

Человек — это свергнутый бог.

Ральф Уолдо Эмерсон

1

Голова ударилась о каменный пол, и в мозгу вспыхнул обжигающий свет, а затем... затем наступила тьма.

Человек едва осознавал, что тяжелая дубовая дверь с грохотом захлопнулась за ним, а массивный засов до упора вошел в скобу, преграждая путь наружу.

Он долго лежал не двигаясь там, куда его бросили, прислушиваясь к биению собственного сердца и заунывному завыванию ветра.

После ударов человек чувствовал легкое головокружение и тошноту, но сознания не терял. Мучительный холод сковал все члены его тела — древний холод, непреклонный, неумолимый, словно камни, из которых построена эта темница. Подобно савану он окутал человека со всех сторон. Слезы, казалось, замерзли на щеках крошечными льдинками, а текущая из ран кровь застывала и сворачивалась. Раны были совсем свежими. Он нанес их себе во время церемонии самоистязания, бичуя собственное тело. Перед мысленным взором человека проносились отвратительные сцены, свидетелем которых он стал. Теперь он знает их тайну.

Его жизнь достигла кульминации. Долгие годы поисков священного древнего знания, которое, как он прежде надеялся, позволит ему лучше понять Божественную сущность Создателя, завершились успехом. Он обрел это знание, вот только в нем не было ничего Божественного. Душой овладела невообразимая тоска.

И где же тут Бог?

Соленые слезы жгли кожу, холод пронизывал до костей. Из-за толстых дверей послышался приглушенный далекий звук, чудом проникший в лабиринт прорубленных в священной горе туннелей.

Они придут за мной. Церемония закончится, и они придут...

Человек хорошо знал историю ордена, в который вступил. Он слышал о жестоких законах, царящих там... А теперь... теперь ему известен их секрет. Они наверняка убьют его, медленно убьют на общем собрании братства. Таким образом все его бывшие братья смогут проникнуться серьезностью нерушимых обетов ордена, получают наглядный урок того, что случается с разрушителями клятвы.

Нет! Не здесь! Не так!

Опершись головой о холодный каменный пол, человек встал на четвереньки. Медленно, преодолевая боль, он натянул зеленую сутану на исполосованные плечи. Грубая власяница разбредила свежие раны на руках и груди. Обессиленный, человек вновь растянулся на полу темницы. Теплое дыхание шевелило волоски на его усах и бороде. Человек подтянул колени к груди и лежал так до тех пор, пока тепло не начало возвращаться в его измученное тело.

Отдаленный шум разнесся эхом в чреве горы.

Человек открыл глаза. Слабый отблеск света проникал в узкое окошко. Человек напряг зрение и огляделся. Темница была невзрачной. Всюду торчали грани колотого камня. В углу лежала груда щебня. Человек понял, что его темница — одно из многочисленных заброшенных помещений Цитадели, которым пользуются лишь время от времени.

Он перевел взгляд на окно. Узкую щель в скале, бывшую когда-то бойницей, прорубили много лет назад. Давным-давно защищавшие Цитадель лучники расстреливали из нее вражеские армии, которые приближались к горе по плоской, словно доска, равнине. Человек с трудом поднялся на ноги и зашагал к окну.

Еще не рассвело. Луны на небе не было, лишь далекие звезды посылали на землю слабый свет. Человек взглянул вниз и зажмурился. Яркий свет десятков тысяч уличных фонарей, гигант-

ских рекламных щитов и неоновых вывесок сливался в слепящее море, расплескавшееся далеко внизу по окруженной горами долине. Сияющий огнями современный город.

Человек глядел на раскинувшийся внизу мегаполис. Восемь лет назад он отвернулся от мирского в поисках истины, и эти поиски привели его сюда, в древнюю темницу. Открывшаяся истина терзала его душу.

Приглушенный звук. Теперь ближе.

Надо спешить.

Человек вытащил из кожаных петелек, пришитых к сутане, служившую поясом веревку и с удивительной ловкостью завязал петли на обоих ее концах. Подойдя к окну, человек с трудом протиснулся в него, ощупывая холодящий кожу камень. Человек искал выступ или трещину, способную выдержать вес его тела. Наконец его рука нашла подходящий камень. Накинув на него петлю, человек изо всех сил дернул на себя веревку, чтобы проверить ее прочность.

Веревка выдержала.

Заправив длинные грязные светлые волосы за уши, человек в последний раз взглянул на расстеленный внизу ковер мерцающего света. Древняя тайна тяготила его душу. Глубоко вздохнув, монах протиснулся в узкую бойницу и прыгнул в ночь.

2

Девятью уровнями ниже, в комнате, богатая обстановка которой представляла собой полную противоположность убогой темнице, где был заточен узник, другой мужчина осторожно смывал кровь со своих ран.

Он стоял на коленях перед огромным камином, как будто склонившись в молитве. Прожитые годы посеребрили его бороду и длинные волосы. На макушке наметилась лысина. Зеленая сутана была спущена до пояса.

Возраст лишь немного ссутил его крепкое, мускулистое тело. Бугры мышц двигались под кожей, пока мужчина опускал мусли-

новую тряпочку в стоящий возле него медный сосуд, осторожно отжимал излишек прохладной воды, а затем промакивал ею кровоточащую плоть. Подержав примочку несколько минут, он вновь окунал ее в воду.

Когда раны на руках, шее и торсе начали затягиваться, мужчина обтер тело мягким полотенцем и осторожно натянул сутану на плечи. Грубая ткань приятно покалывала заживающие раны. Мужчина зажмурил светло-серые глаза и глубоко вздохнул. После церемонии он всегда чувствовал глубокое эмоциональное удовлетворение от осознания того, что является продолжателем великих традиций своего древнего ордена. Он старался сохранить это чувство как можно дольше перед тем, как вернуться в кабинет и приступить к мирским обязанностям.

Несмелый стук в дверь вывел мужчину из задумчивости.

Должно быть, сегодня ему не удастся долго предаваться отрадным мыслям.

— Входите.

Мужчина потянулся за веревочным поясом, перекинутым через спинку ближайшего к нему стула.

Дверь открылась. Отблески потрескивающего в камине огня затанцевали на покрытой позолотой резьбе. Монах молча вошел в комнату и тихо закрыл за собой дверь. Согласно уставу своего древнего ордена он также был одет в зеленую шерстяную сутану. Длинная борода и нестриженные волосы дополняли облик.

— Брат аббат! — прозвучал его низкий, вкрадчивый голос. — Извини, что отвлекаю тебя в столь поздний час, но дело не терпит отлагательств...

Он потупил глаза, словно разглядывая пол. Казалось, вошедший не знал, как лучше выразить свою мысль.

— Тогда не трать времени попусту. Говори, — проворчал аббат, завязывая веревку вокруг талии и засовывая за пояс деревянный Т-образный крест.

— Мы потеряли брата Сэмюеля...

Аббат застыл.

— Что значит «потеряли»? Он умер?

— Нет, брат аббат. Его нет в... келье.

Рука аббата с силой сжала крест. Дерево глубоко врезалось в плоть. Но голос разума быстро успокоил беспричинный страх, и рука разжалась.

— Должно быть, он спрыгнул вниз, — предположил аббат. — Надо обыскать землю под окном и убрать тело прежде, чем его найдут посторонние.

Он отвернулся и стал поправлять сутану, думая, что разговор окончен.

— Извини, брат аббат, — не отрывая глаз от пола, произнес монах, — но мы уже смотрели вниз. Едва обнаружив, что Сэмюеля нет в келье, мы уведомили о случившемся брата Афанасиуса. Он связался с теми, кто снаружи, и братья все обыскали. Никаких следов.

Благодать, снизошедшая на аббата несколько минут назад, растаяла в мгновение ока.

Ранее этой ночью брата Сэмюеля принимали в *святые* — так назывались члены внутреннего круга ордена — братства настолько секретного, что лишь живущие в монастырских кельях знали о его существовании. По традиции обряд посвящения заканчивался тем, что неофиту открывали сущность Таинства — священной реликвии, для защиты которой был образован их орден. Во время инициации брат Сэмюель проявил неподготовленность и не смог постичь сокровенное знание. Такое случалось и прежде. Тайна, которую хранили члены ордена, была настолько великой и опасной для неокрепшего ума, что новичок, как бы тщательно его ни готовили к встрече с Таинством, иногда терял голову. К сожалению, человек, знающий тайну ордена, но неспособный достойно хранить ее, столь же опасен, как и само Таинство. Поэтому будет разумнее, даже гуманнее, пресечь его душевные терзания как можно быстрее.

Брат Сэмюель был безнадежен.

А теперь он исчез.

Пока он на свободе, Таинство находится в опасности.